

**Стереотипные представления о русской культуре питания
(на примере глагола *упиться*)**

языковая картина мира, стереотип, менталитет, способ глагольного действия

Под «стереотипом» традиционно понимается сложившееся мнение в отношении социальной группы людей или представителя данной группы. Как отмечает В.З.Демьянков, в лингвистике под данным словом принято понимать форму «обработки информации и состояния знаний» [Демьянков 1996: 177]. Одной из универсальных в языке и культуре оппозиций изучения стереотипов является оппозиция «свой – чужой». Каждый народ осознает себя, свою уникальность в сравнении с другими. Так складываются этностереотипы. «В народной культуре, – пишет О.В.Белова, – отношение к представителям других этносов во многом определяется понятием этноцентризма, когда «свои» традиции, «своя» религия, «свои» обычаи и «свой» язык мыслятся единственно «настоящими», «правильными» и «праведными» [Белова 2005: 7]. Таким образом, налицо ценностное, эмоциональное отношение, заключенное в стереотипах, являющееся частью, или фрагментом картины мира. Проявлением стереотипов является национальный характер.

Исследователями выделяются понятия «автостереотипа» и «гетеростереотипа» [Никаева 2013; Го Лицзюнь 2014]. В первом случае это осознание самих себя (например, в пословице *Русские медленно запрягают, но потом быстро скачут* отражено представление о видимости, условности проявления лени характера, способности к решительным действиям), во втором – «взгляд» со стороны (например, в чувашских пословицах *Вырăс виçсе чăтать, тăваттăмĕшĕпе хăй хуçать* досл. «русский три раза терпит, на четвертый раз сам сломает», *Вырăс чăтать-чăтать те, пĕр вĕсерĕнсен ёмĕр асăнмалăх тăвать* досл. «русский терпит-терпит да, сорвавшись, сделает так, что век будешь помнить») закрепилось представление о терпеливости русского характера и последней грани в характере, за которую не стоит переступать).

Форма и значение являются двумя сторонами изучения стереотипа в языке: с одной стороны, это фразеология, паремии, клише и т.п., с другой – смысловые коннотации языковых единиц [Белова 2006: 1-2]. Описанию стереотипов, связанных с темой выпивки, посвящено немало исследований. Так, Т.С.Глушкова описывает составляющие фрейма «употребление спиртных напитков», выделяя такие субфреймы, как «Участники», «Социокультурная значимость», «Особенности употребления», «Напитки, которые в свою очередь состоят из нескольких слотов» [Глушкова 2009: 14-15]. Особую значимость, на наш взгляд, приобретают действия, характеризующие процесс употребления и приобретение определенных свойств, состояний субъекта. Картина мира русского языка акциональная. В связи с этим С.М.Толстая отмечает необходимость изучения не только предметных составляющих стереотипа, но и предикатных [Толстая 2009].

В данной статье рассматривается глагол *упиться*, который входит в группу глаголов чрезмерно-интенсивного способа действия, наряду с глаголами *убегаться*, *упрыгаться* и т.п. Данным способом глагольного действия выражается «крайняя степень продолжительности и интенсивности действия, связанная с усталостью, бессилием субъекта продолжать его осуществление» [Теория 2001: 81]. В Толковом словаре С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой глагол *упиться* имеет следующие значения: 1) напиться вдоволь (устар.); 2) напиться допьяна (прост.); 3) перен. Насладиться до упоения (книжн.). Рассмотрим данный глагол в контекстуальном окружении. При упо-

треблении слова во втором значении валентность объекта может заполняться существительным со значением названия напитка в творительном падеже, но не носит облигаторный характер. Напротив, глагол в третьем значении обязательно содержит при себе указание на объект.

Примечательно использование объекта при переносном употреблении глагола *упиться*. В концептосфере «Еда» представления о материальной сфере и духовной в русской языковой картине мира несколько различаются. Так, духовная сфера (здесь имеется в виду материально не выраженная сфера, в отличие от артефактов, продуктов творческой деятельности – таких как книги, картины, музыкальные произведения и т.д.), в особенности эмоциональная, представляется как некий эфир, жидкость (метафора ЖИЗНЬ – ВОДНЫЙ ПОТОК). В связи с этим появляются выражения *нахлебаться горя, жизненных проблем; упиться славой, мгновением*, причем первое из них с явно выраженным негативным отношением, подчеркиванием трудностей, жизненных неурядиц, а второе – с положительной коннотацией, выделением текущего момента. Действия, обозначаемые глаголами *наестся* и *объестся*, при переносном употреблении часто имеют при себе материально выраженный объект как указание на род занятий, продукт деятельности, философские пристрастия и т.д., например, *наестся моря, шубами, именитыми дизайнерами, баскетболом* и т.п. (подробнее см. [Димитриева 2016]). Итак, мы «пьем» эмоции, а «едим», поглощаем материальные ценности. Сравним два примера, в которых при глаголах *наестся* и *упиться* объектом является нематериальный результат: *Во-первых, железнодорожники довольно легко выиграли регулярное первенство и, стало быть, обозначили для себя планку в плей-офф, во-вторых, в отличие от «Металлурга», за последние годы выигравшего в Европе всё, что только возможно, и, судя по серии с «Ладой», несколько наевшегося успехами, «Локомотив» голоден и жаден до крупных побед* (Алексей Демин. Кому больше всех надо. Дорогу к победе в чемпионате осилит тот, кто амбициознее // «Известия», 2002.03.22)¹; – *Ну, честолюбив, ну, тщеславен, упился своим успехом, глаза и зубы разгорелись, кто-нибудь там написал, что он второй Нуреев, но он же не Нуреев, ему не только слава нужна...* (Виктор Некрасов. Маленькая печальная повесть). В первом случае в результате повторяющихся действий создается эффект пресыщения (отрицательные последствия – в нашем примере, игра не столь эффективная, как прежде, потеря концентрации), во втором – маркируется эффект довольства, удовлетворения, значимость текущего момента (ср. выражения *упиться мгновением, славой, отмищением, пафосом* и т.п.).

В высказываниях глаголы со значением «результат поглощения пищи» такие, как *наестся, налопаться* и т.п. в основной массе содержат указание на объект, глаголы питания с подобным значением в меньшей степени маркируют данный аспект, обращая внимание на местоположение, состав участников, приобретенное состояние и его последствия.

Как и глаголы сативного (сатуративного) способа действия со словообразовательным формантом *на-...-ся* (подробнее см. [Димитриева 2015]), глагол *упиться* сочетается с наречиями меры и степени, обозначающими «потерю целостности», такими как *вдрызг, вдребезги, в хлам, вдрабадан* и т.п.: *Она слышала жуткие рассказы подруг про упившихся вдрызг гостей, пьяные драки, какой-то идиотский выкуп невесты – ничего этого не было, и все-таки...* (Майя Кучерская. Тетя Мотя). Адвербиальные выражения со значением меры и степени «до + существительное в родительном падеже» указывают на крайние проявления опьянения: 1) физиологические последствия (*до икоты, до блева*); 2) приобретение болезненного состояния (*до чертиков, до белой горячки*); 3) условная или временная потеря жизненно важ-

¹ Здесь и далее используются примеры из Национального корпуса русского языка <http://www.ruscorpora.ru/>.

ных показателей здоровья (до потери чувств (пульса, сознания), до бесчувствия, до состояния, близкого к остекленению).

В высказываниях значение способа глагольного действия – крайняя степень усталости субъекта и невозможность далее продолжать действие – также проявляется в следующем:

1) в сочетаемости с наречиями *насмерть, вусмерть*: *В трактире стало тихо. И в этой тишине слышно было, как под столом храпит кто-то из солдат, упившись насмерть* (Елена Хаецкая. Мракобес); – *У пилота тоже не алкогольное отравление. Он же не упился вусмерть, просто хлебнул какой-то гадости...* (Марианна Баконица. Школа двойников);

2) в указании на последующие действия, проявления субъекта состояния, а точнее, на отсутствие возможности контролировать себя, что проявляется, во-первых, в спонтанном положении в пространстве (в канаве, болотной жиже, на лестнице, на клумбе и т.п.): *Упившийся Мельгунов лежал пластом в кустах и охал* (В.Я.Шишков. Емельян Пугачев); *Она первая посмотрела ему в объектив, когда все, все от него отворачивалось или пряталось за уродством, подсовывая то пьяных, то кривых, то упившегося мужика, лежащего башкой в болотной жиже, ухом и половиной черепа в воде: хошь так снимай, хошь этак; выдающаяся мразь, не каждый день увидишь ближнего столь жалким, столь беспомощным...* (Василий Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий); во-вторых, в неестественно наступившем сне: *На диване блаженно похрапывал упившийся Митрич* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев); в-третьих, в непредсказуемости или в агрессивности последующих действий (*танцевать на столе, устроить драку*);

3) в том, что субъект состояния «превращается» в объект действия другого субъекта (*вытягивать, отвезти, отнести* и т.п.): *Офицеру на улице появиться нельзя – самое меньшее, срывают погоны; Зимний изувечен и разорен, из подвалов вытаскивают упившихся и утонувших в вине матросов; винные склады разбиты, на улицах валяются мертво пьяные, третьего дня разгромили мастерскую Фаберже...* (Сергей Бабаян. Господа офицеры); *Ее необыкновенный дар проявился уже в раннем детстве, когда семилетняя девочка принесла домой упившуюся мать и только тогда обнаружила, что всю дорогу матушка не выпускала из рук мешок с украденной на ферме трехпудовой свиньей* (Юрий Буйда. Живем всего два раза // «Новый Мир», 1998).

Как отмечает Т.С.Глушкова, субфрейм «Участники» фрейма винопития, с одной стороны, содержит слот «характеристика участников ситуации», который содержит описание состояния субъекта действия, с другой, слот «мотивация», составляющей частью которого является стремление к достижению состояния алкогольного опьянения [Глушкова 2009: 16]. Ситуация, обозначаемая глаголом *упиться*, помимо субъекта состояния содержит субъект оценки (в некоторых случаях возможно их совпадение): *...она (субъект оценки) пытается отвезти его (субъект состояния) от стола, чтобы не совсем упился...* (Майя Кучерская. Тетя Мотя); *...он (субъект оценки) мог опасаться, скажем, что я (субъект состояния) упьюсь и отключусь раньше времени* (Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени).

Отметим некоторые грамматические особенности употребления глагола *упиться*. По частотности использования преобладает форма прошедшего времени (около 29%), далее следуют форма причастия (21%), инфинитива и деепричастия (около 15%), форма настоящего-будущего времени (12%), повелительное наклонение (4%), сослагательное (2,5%).

Рассматриваемый глагол в большинстве случаев употребляется в аспектуальной ситуации конкретного единичного действия (конкретно-фактический тип), субъект действия носит конкретно-референтный характер. Формы прошедшего времени глагола и причастия подчеркивают единичность и результат действия.

Процесс выпивания в русской культуре – явление коллективное, которое объединяет людей [Степанов 1997: 332], поэтому при описании «приобретенного» нового состояния часто указываются все участники процесса (индивидуальный субъект / генерализованный субъект – название класса, группы или представителя): *Мухин быстро вспомнил все, что произошло вчера, как он в конце совершенно упился с Белым и вырубился. Белый же и тряс его сейчас за плечо* (Алексей Рыбин. Последняя игра); *Упившись до потери чувств, маляры устроили пожар. Здание ипподрома сгорело дотла* (Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца).

Интересно употребление в форме повелительного наклонения: во-первых, в отрицательной форме – т. н. превентив: *...А вино – тебе. Только не упейся. Друзей позови, товарищей* (Дмитрий Каралис. Автопортрет); во-вторых, в форме пожелательности с частицами *пусть, пускай*, также в сочетании с усилительной частицей *хоть* – в таких случаях говорящий, как правило, дистанцируется, остается в стороне от происходящего, при этом выражая свое мнение: *После всех испытываемых гонщиками нагрузок, расслабляться в таком стиле я считаю вполне нормальным, конечно, не очень хорошо, что они это делают так, что это становится достоинством общественности, ведь они публичные люди и нужно знать правила приличия и их соблюдать, а так пусть хоть все упьются, главное, чтоб за руль трезвыми садились* (форум Автогонки-3); в-третьих, сочетание частицы *хоть* и глагола в форме повелительного наклонения со значением количественной оценки «много»: – *Ура! – заорал Тюрберт, вскакывая. – Шампанского, господи! Ставлю на каждого по паре бутылок, хоть упейтесь!* (Борис Васильев. Были и небыли).

Таким образом, при описании ситуации, обозначаемой глаголом *упиться*, в основном актуализируется субфрейм «Участники», в частности, слоты «характеристика участников ситуации», «мотивация» и «поведение».

Литература

- Бартмицкий Е. Эгоцентризм стереотипа. Польские и немецкие студенты о своих соседях / Е.Бартмицкий // Славяноведение. – 1997. – №1. – С.12–24.
- Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской культурной традиции / О.В.Белова. – М.: Индик, 2005. – 288 с.
- Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование): автореф. дисс. ...докт. филол. наук: 10.02.03 / О.В.Белова. – М., 2006. – 40 с.
- Глушкова Т.С. Винопитие как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.С.Глушкова. – Омск, 2009. – 24 с.
- Го Лицзюнь. Ментальные стереотипы в межкультурной коммуникации / Го Лицзюнь // Язык. Словесность. Культура. – 2014. – №4. – С.82–93.
- Демьянков В.З. Стереотип / В.З.Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С.Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С.177–179.
- Димитриева О.А. Сатуративный способ глагольного действия: глаголы со значением питья со словообразовательным формантом *на-...-ся* / О.А.Димитриева // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова: Серия «Филологические науки». – 2015. – №3. – С.39–51.
- Димитриева О.А. Норма и результат приема пищи: глаголы *наестся* и *объестся* / О.А.Димитриева // Научный диалог. – 2016. – № 2 (50). – С.21–35.
- Никаева Т.М. Этнические стереотипы в образе мира русских, якутов, эвенков и эвенов / Т.М.Никаева // Вестник СВФУ. – 2013. – Том 10. – №3. – С.75–81.
- Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю.С.Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2001. – 348 с.
- Толстая С.М. Стереотип и картина мира / С.М.Толстая // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009. – С.262–264.